

наблюдать неведомое со времени рубежа XVIII—XIX вв. обращение к античным сюжетам, античной тематике, античному представлению о человеке и мире (в частности, в современном кино и театре), широчайшее использование мифа. Все это столь же интересно и существенно, как и явления контрастные, специфические для каждой из этих систем, и должно рассматриваться в общей связи.

С большим интересом был выслушан доклад М. Е. Грабарь-Пассек. Выступая по этому докладу, С. И. Радциг говорил о фантастическом элементе в биографии Аполлония Тианского, связывая этот элемент со сказаниями о подвигах Александра Македонского. Касаясь жанровой принадлежности сочинения Филострата, С. И. Радциг отнес его к позднегреческому роману, который послужил основой для создания более чем 70 житий. Об интересе, какой вызывает сейчас позднеантичная литература, упомянул (в связи с докладами М. Е. Грабарь-Пассек и Л. А. Фрейберг) В. Т. Сиротенко. Доклад Н. С. Гринбаума был сочувственно принят выступавшими, которые высказали и критические замечания. Так, С. И. Радциг отметил некоторую односторонность проявившегося в докладе подхода, когда вся история греческого языка рассматривается с точки зрения языка Пиндара (докладчик, отвечая, пояснил, что он лишь полемизирует против преувеличения влияния Гомера на формирование языка и «отстаивает права Пиндара на восхождение не к Гомеру, а к более древним источникам, общим Гомеру и хоровой лирике»). С. И. Радциг указал также на разницу фаз развития греческого языка аттических и египетских надписей (сравниваемых в докладе) и на различие между поэтическим языком и языком прозы. В. И. Ярхо говорит о том, что некоторые слова, общие Пиндару и надписям, имеют в этих двух источниках различную семантическую окраску. Доклад М. М. Слонимского вызвал некоторые конкретные замечания Т. В. Блаватской и В. Т. Сиротенко.

Утреннее заседание 30 мая открылось информационным сообщением Ю. К. Колосовской о работе «Вестника древней истории».

Затем были представлены заключительные слова докладчикам, выступавшим на утреннем заседании 29 мая. В. Т. Сиротенко, Б. Б. Маргулес, Л. А. Ельницкий, М. П. Инадзе отвечали на критические замечания. Заключительное слово А. М. Ременикова было по существу (как уже говорилось) выступлением по докладу В. Т. Сиротенко.

В заключение заседания собравшиеся выслушали обстоятельные сообщения с мест о научно-исследовательской и преподавательской работе в области древней истории. На заседании выступили Т. Ф. Пиленкова (Башкирский гос. ун-т), Н. Б. Бреговская (Кипиневский гос. ун-т), Р. М. Рахманова (Ташкентский гос. ун-т), Т. В. Прушакевич (ЛГУ), Н. М. Елизаорова (Саратовский гос. ун-т), А. М. Ремеников (Казанский гос. ун-т и пед. ин-т), В. Т. Сиротенко (Пермский гос. ун-т), Н. Х. Юдикис (Вологодский гос. пед. ин-т), Ф. М. Нечай (Белорусский гос. ун-т).

На вечернем заседании 30 мая выступил председатель Национального комитета советских историков А. А. Губер, который ознакомил собравшихся с программой работ Международного конгресса историков, который предполагается провести в Москве в 1970 г. А. А. Губер охарактеризовал проблематику запланированных докладов, рассказал о плане работы секции древней истории и остановился на организационных вопросах. В заключение своего сообщения А. А. Губер говорил о задачах, которые ставит перед советскими историками подготовка к конгрессу. Затем А. А. Губер ответил на вопросы.

С аналогичным сообщением о Международном конгрессе по экономической истории, намеченном на тот же 1970 г. в Ленинграде, выступил И. М. Дьяконов.

С. Л. Утченко информирует собравшихся о ближайшей встрече ученых-антиковедов социалистических стран — очередном конгрессе Эйрене (Варшава, октябрь 1968 г.).

На заседании был избран постоянный организационный комитет (председатель С. Л. Утченко) для регулярного проведения всесоюзных конференций по вопросам античности.

Закрывая заседание, С. Л. Утченко от имени организаторов конференции благодарит всех принявших участие в ее работе.

В. С.

ПРИЛОЖЕНИЕ

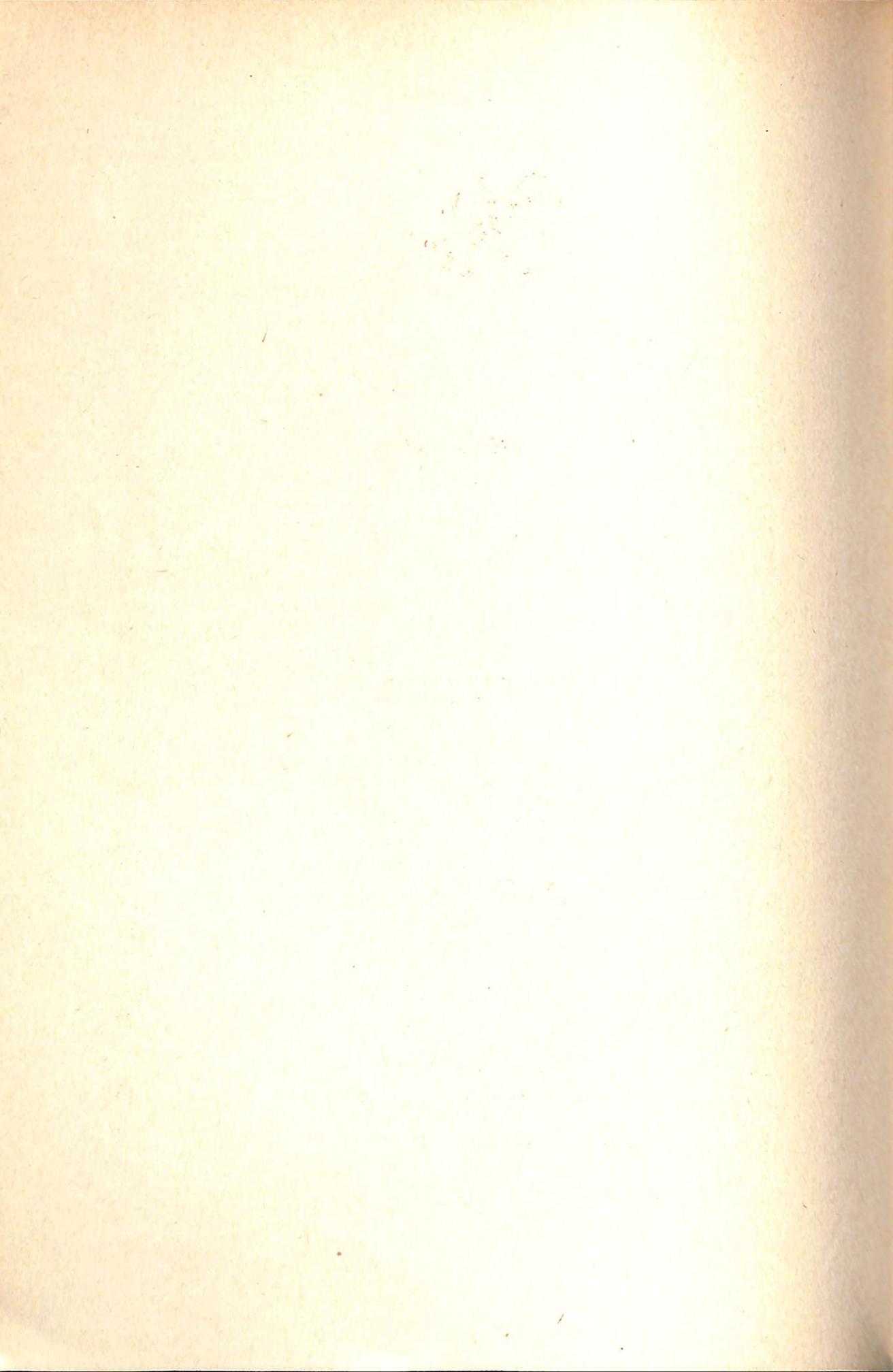
ISOCRATIS
ORATIONES

ИСОКРАТ
ПИСЬМА

*

ПЕРЕВОД
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
К. М. КОЛОБОВОЙ

(Окончание)

ПИСЬМА *

По своему содержанию и литературному стилю письма Исократы близки его ре-чам. В них мы видим те же основные идеи Исократы — пропаганду общеэллинского похода на Восток и поиски политического вождя, способного этот поход возглавить.

Не все письма Исократы признаются подлинными. По вопросу о достоверности не-которых писем среди ученых возникли разногласия. Вопреки Ф. Блассу и Е. Дрерупу, признававшим все девять писем Исократы подлинными, Вилламовиц-Мёллендорф, Мюншер, Войте высказывают сомнения в подлинности III, IV, VI и IX писем¹.

Письмо I, написанное сиракузскому тирану Дионисию в 367 г. до н. э., представ-ляет собой только предисловие к письму, которое не было закончено, по-видимому, ввиду смерти адресата. Ссылаясь на благоприятную ситуацию, Исократ призывает Дионисия к свершению великих дел.

Следующим в хронологической последовательности является VI письмо, адресо-ванное сыновьям Ясона, тирана города Фер. Судя по содержанию, оно должно отно-ситься к 359 г. до н. э. Однако большинство ученых на основании анализа языка и стиля письма считают его неподлинным. Письмо носит риторический характер и содержит несколько замечаний об ораторском искусстве и по поводу отношения автора к монар-хии и тираннии.

IX письмо — к Архидаму, приуроченное к 356 г. до н. э., почти единодушно при-знается современными учеными грубой и неудачной фальшивкой. Не только стиль письма, но и сама историческая ситуация, рисуемая в нем, вызывают сомнения. Невоз-можным кажется обращение Исократы к спартанскому царю с призывом избавить эллинов от тяготеющих над ними бедствий и возглавить поход против варваров в об-становке, когда сама Спарта находилась в состоянии упадка и не играла большой поли-тической роли.

В VIII письме, датированном временем около 350 г., Исократ обращается к правите-лю митиленян с просьбой вернуть из изгнания Агенора, учившего музыку его внуков. Обилие деталей, соответствующих подлинной исторической обстановке, стиль письма говорят о его достоверности.

Не вызывает сомнения и письмо VII, посланное Исократом Тимофею, правителю Гераклеи Понтийской, в середине 40-х гг. IV в. В письме Исократ дает Тимофею ряд советов, показывая, как, по его мнению, должен править гражданами благомыслящий тиран.

К подлинным письмам Исократы относятся и письма II и V. Письмо II — к Филип-пу, датированное 344/3 годом до н. э., носит в основном личный характер. Исократ оте-чески убеждает царя не рисковать своей жизнью, сражаясь с соседними варварскими племенами, призывает его к установлению тесных дружеских связей с Афинами, ука-зывая, что и самому царю это принесет величайшие выгоды.

Адресованное Александру, сыну Филиппа, V письмо трактовалось сначала как дополнение ко II письму. Но письмо содержит несомненное свидетельство о том, что Аристотель является уже учителем Александра (а он стал им только с 343/2 г.), что позволяет датировать письмо 342/1 годом. Исократ хвалит Александра за любовь к науке и образованию и призывает его к деятельной жизни, причем в письме в скры-той форме содержится полемика с Аристотелем.

* Перевод В. Г. Боруховича и Т. В. Прушакевич.

¹ Fr. B l a s s, Die attische Beredsamkeit, II², Lpz, 1892; Isocratis, opera omnia, rec. E. Drerup, I, Lipsiae, 1906, praefatio, стр. CLVIII—CLXIII; U. W i l a m o w i t z-M o e l l e n d o r f f, Aristoteles und Athen, II, B., 1893, стр. 391—399; M ü n - s c h e r, RE, Hbd. 48, 1916, s. v. Isocrates, стр. 2199—2220; C. W o y t e, De Isocratis quae feruntur epistulis quaestiones selectae, Diss., Lpz, 1907. Против тех, кто доказыва-ет неподлинность III, IV, VI, IX писем (главным образом против Войте), выступает Матье, склоняющийся к прежней точке зрения о подлинности этих писем (I s o - c r a t e, Texte établi et traduit par G. Mathieu, IV, P., 1962, стр. 168—173, 178—183).

Язык письма IV, которое по мыслимой в нем ситуации должно относиться к 340/39 г., значительно отличается от языка Исократ. В этом письме Исократ якобы хлопочет перед Антипатром за некоего Диодота и его сына, находящихся при македонском дворе.

Письмо III — к Филиппу, прославляющее македонского царя и подчеркивающее единодушие между ним и эллинами, трактуется учеными как продукт промакедонской партии, как результат пропаганды официальной проэллинской политики Филиппа. Исходя из излагаемых в нем обстоятельств, оно могло быть написано только через два месяца после битвы при Херонее, а как принято считать, Исократ к этому времени уже умер.

Таким образом, письма Исократ, написанные после 370 г. до н. э., в период расцвета его творчества, содержат в ряде случаев конкретные исторические факты, рисуют обстановку, в которой писал свои произведения автор, и являются для знакомства с историей этого периода ценным источником ².

Г. К ДИОНИСИЮ

(1) Исократ Дионисию желает здравствовать. Если бы я был помоложе, то не стал бы посылать письма, но сам бы побеседовал с тобой, приплыв сюда. Но поскольку расцвет моей жизни не совпал с решающим моментом в твоей практической деятельности (я уже устал и состарился, твои же дела находятся в состоянии наивысшего подъема), — я попытаюсь высказаться по их поводу в той мере, как это возможно в нынешних условиях.

(2) Я хорошо знаю ³, насколько выше стоит личное общение по сравнению со всякой перепиской для тех людей, которые хотят выступить с советами ⁴. Это происходит не только потому, что об одних и тех же вещах легче говорить при личной встрече, чем объясняться письменно, и также не из-за того, что все люди скорее доверяют словам, высказанным устно, нежели написанному тексту, внимая первым как полезным поучениям, вторые же принимая за сочинения литературного характера. (3) Ко всему этому ведь надо еще добавить, что при устных беседах, если что-нибудь покажется непонятным или неизвестным, или не заслуживающим доверия, то присутствующий рассказчик может коренным образом изменить дело; в письмах же и литературных сочинениях, если что-нибудь подобное будет иметь место, некому исправить положение (так как пишущий человек отсутствует, некому выступить с разъяснением того, что написано). Но, принимая во внимание, что судить о написанном будешь ты, я горячо надеюсь, что мы окажемся в роли людей, говорящих нечто полезное; я надеюсь также, что ты, отбросив все затрудняющие обстоятельства, о которых говорилось выше, обратишь свое внимание на самую суть дела.

(4) Некоторые из тех людей, которые близко с тобой соприкасались, пытались отпугнуть меня, говоря, что ты чтишь тех, кто тебе льстит, но презираешь тех, кто пытается давать тебе советы. Но даже если бы я и поверил их речам, я сохранил бы душевное спокойствие. Ныне же никто не может убедить меня в том, что можно приобрести такую славу и совершить подобные деяния, не учась одному, не внимая другому, не изобретая и выдумывая третьего, не собирая и не привлекая отовсюду всего того, при помощи чего возможно усовершенствование собственного ума и дарования.

(5) Итак, я решился по этой причине обратиться к тебе с письмом и собираюсь говорить тебе о вещах великого значения, о которых тебе из

² Стилистическому и литературному анализу писем Исократ посвящена статья Т. А. Миллер «Письма Платона и Исократ» в сб. «Античная эпистолография», М., 1967, стр. 47—58.

³ Ср. Phil. 25.

⁴ Συμβουλεύειν употреблено здесь в техническом смысле (выступать с советами на политические темы, устно или письменно).

всех живущих на земле подобает услышать более, чем кому-либо другому. Не подумай, однако, что пылкость моего обращения к тебе продиктована моим желанием найти в твоём лице слушателя моих сочинений. Меня отнюдь не снedaет честолюбие настолько, чтобы я желал достигнуть почестей при помощи торжественной речи; кроме того, мне хорошо известно, что ты сыт ими по горло. (6) К тому же еще всем ясно, что для лиц, желающих отличиться в красноречии, наиболее подходящей аудиторией является праздничное собрание (ведь только там человек сможет раскрыть силу своего искусства перед большим количеством людей); те же лица, которые хотят добиться своей речью чего-либо конкретного, должны обращаться с речами к тому, кто скорее всего сможет воплотить в действительность выдвинутые в данной речи предложения⁵.

(7) Если бы я хотел вмешаться в дела какого-нибудь отдельного государства, я обратился бы со своей речью непосредственно к тем лицам, которые стоят во главе государства. Но поскольку я вознамерился выступить с советами об общем для всех эллинов благе и спасении, к кому же мне, по справедливости, скорее всего следовало бы обратиться, как не к человеку, который является первым среди эллинов по происхождению и обладает наибольшей силой?

(8) И нам представляется, что мы вспомнили обо всех этих вещах весьма кстати и вовремя. Когда гегемония принадлежала лакедемонянам, тебе не легко было бы заняться делами, касающимися нашей земли, и одновременно бороться со спартанцами и вести войну с карфагенянами. Но поскольку дела спартанцев⁶ обстоят таким образом, что им надлежит радоваться, если они смогут удержать свою собственную землю⁷, а наше государство охотно предоставило бы себя в твоё распоряжение для совместной борьбы, если ты пожелаешь сделать доброе дело для всей Эллады, то какой же иной более удобный случай, чем настоящий, может выпасть на твою долю?

(9) Ты не должен удивляться тому, что я, не будучи ни политическим деятелем, ни стратегом, ни в другом отношении влиятельным человеком, берусь за это дело и пытаюсь выступить по двум столь важным вопросам — выступая одновременно в защиту интересов всей Эллады и обращаясь к тебе с советами. Ведь я с самого начала оказался в стороне от всякой общественной деятельности (объяснение причин⁸ потребовало бы большого труда); что же касается науки, которая пренебрегает ничтожным, а пытается достичь лишь великих целей, — в ней я, пожалуй, не мог бы считаться одним из последних⁹. (10) Таким образом, отнюдь не следует удивляться тому, что я смог усмотреть полезное скорее, чем те люди, которые праят государством без разумного расчета, но стяжали себе большую славу. Насколько мы заслуживаем внимания, мы покажем не дальнейшими отговорками, а тем, о чем будет сказано ниже...

⁵ Ср. Phil. 13.

⁶ Принимаем чтение амброспанской рукописи *Λακεδαιμόνιοι*.

⁷ Исократ рисует обстановку, создавшуюся после битвы при Левктрах 371 г.

⁸ Ср. Phil. 81.

⁹ Ср. Antid. 50.

II. К ФИЛИППУ

(1) Я знаю, что все люди обычно питают более теплые чувства к тем, кто их хвалит, нежели к тем, кто пытается давать им советы; это особенно относится к тому, кто выступает с советами, когда его о том никто не просит. Что же касается меня, то, если бы мне прежде не случилось обращаться к тебе с советами, полными благожелательности¹, с помощью которых

¹ Имеется в виду речь «Филипп».

го могущества и славы, обладая издревле принадлежавшей вам властью. (6) Я радуюсь своему преклонному возрасту только потому, что дожил до момента, когда то, о чем я мечтал молодым и о чем пытался писать в «Панегирике» и в посланной тебе речи, частично я вижу уже свершающимся ныне в твоих деяниях, частично же могу надеяться на то, что оно свершится.

IV. К АНТИПАТРУ

(1) Хотя у нас далеко не безопасно писать в Македонию — и не только сейчас, когда мы находимся в состоянии войны с вами¹, но даже и раньше, когда был мир, — все же я решился написать тебе относительно Диодота², считая справедливым воздавать хвалу всем, кто был моим учеником и оказался достойным нас, особенно же ему — из-за дружбы, которую он всегда питал ко мне, а также других его достоинств. (2) Мне очень хотелось бы иметь возможность лично рекомендовать его тебе; но после того как он был введен к тебе стараниями других, на мою долю осталось лишь дать ему характеристику и укрепить то знакомство, которое у тебя с ним уже состоялось. Многие и самые различные люди становились моими учениками³, и некоторые из них уже стяжали великую славу, а остальные отличались или красноречием, или же глубоким разумом и совершенными ими делами; иные же стали заметны благодаря скромной и целомудренной жизни, а также приветливости характера: они совершенно не были склонны к другим занятиям и образу жизни. (3) Но этот по природе оказался настолько гармонически одаренным, что достиг совершенства во всем, о чем говорилось выше. Я никогда не посмел бы утверждать это, если бы сам не удостоверился в истинности сказанного самым точным образом и одновременно не был уверен, что и ты составишь себе о нем именно такое представление (частично благодаря личному общению с ним, частично благодаря тому, что ты о нем узнаешь от других, хорошо его знающих). (4) Среди последних не найдется никого — за исключением разве больших завистников, — кто не согласился бы с тем, что он обладает красноречием и проявляет разумность в советах не меньшую, чем кто-либо другой, что он справедлив и честен в высшей степени и совершенно лишен жадности к деньгам. Он также необыкновенно обходителен и приятен в быту и общении, к тому же обладает необыкновенной свободой и смелостью в суждениях, но не такой, которая является неприличной, а той, которая по праву считается величайшим признаком благожелательности по отношению к друзьям. (5) Эту смелость некоторые из властелинов, обладающих душой, соответствующей их положению, ценят как полезную; те же, кто в этом отношении природой обделен более, чем этого требует их положение, относятся к ней с неприязнью, так как она принуждает их делать то, чего они бы не хотели. Они не знают, что люди, дерзающие им возражать во имя их собственной пользы, тем самым обеспечивают им величайшую возможность свершения всего, что эти властители желают. (6) Следует считать естественным, что по вине людей, стремящихся всегда угодить своими речами, оказываются непрочными не только монархии, заключающие в себе многие неизбежные для них пороки, но даже и политики, имеющие более прочные основы. Напротив, благодаря тем, кто откровенно высказывает свое мнение с целью принести пользу, находят свое благополучное разрешение многие из дел, исход которых казался заранее обре-

¹ С осени 340 г. до н. э. Афины находились в состоянии войны с Филиппом.

² О Диодоте больше ничего не известно.

³ Исократ приводит имена некоторых из своих учеников в речи Antid. 39—40, 93—94.

ченным на неудачу. По этой причине было бы справедливо, чтобы большим влиянием у всех монархов пользовались те, которые говорят истину, чем те, кто ставит своей целью говорить только приятное, но результаты советов которых не заслуживают благодарности. Однако случается так, что первые в действительности оказываются иногда в меньшей чести.

(7) Это именно и выпало на долю Диодота, когда он находился у некоторых династов Азии (а им он принес большую пользу не только своими советами, но и своими действиями и отвагой, с которой подвергал себя опасностям). Но вследствие того, что он смело высказывал свои мысли, стремясь принести им пользу, он оказался лишенным и почестей у себя на родине и надежды на многое другое: гораздо большую силу возымела лесть ничтожных людей, чем добрые дела, совершенные этим человеком. (8) Хотя он все время стремится прибыть к вам, именно эти обстоятельства лежат в основе его опасений. Последние возникли у него отнюдь не потому, что он считает всех занимающих более высокое положение одинаковыми; но из-за неприятностей, которые ему пришлось претерпеть от этих людей, он стал все меньше надеяться и на те блага, которые могут ожидать его у вас. Как мне кажется, с ним произошло нечто подобное тому, что бывает с иными моряками, которые, попав во время первого же плавания в бурю, после этого теряют уверенность, выходя вновь в море (хотя они и знают, что очень часто на долю моряка выпадает и счастливое плавание). Во всяком случае, поскольку он теперь с тобой сблизился, его поступок заслуживает одобрения. (9) Как я думаю, это принесет ему пользу, и полагаюсь при этом более всего на твое дружественное отношение к людям, о котором в один голос говорят все, прибывающие из-за границы. Я считаю также помимо этого, что вы хорошо знаете, насколько приятно и в высшей степени выгодно приобретать верных и полезных друзей при помощи благодеяний и делать добро тем, за кого будут испытывать к вам благодарности и многие другие. Ведь все образованные люди хвалят и почитают тех, кто хорошо обходится с порядочными людьми, как будто они сами получают какую-то выгоду и пользу.

(10) Но я думаю, что и сам Диодот даст тебе повод к тому, чтобы ты позаботился о его интересах. Я советовал и сыну его, чтобы тот принял участие в ваших делах, поступил к вам в качестве ученика и старался продвинуться вперед. Выслушав мои слова, он ответил, что желает заручиться вашей дружбой и что в данном случае чувства его подобны тем, с которыми он относится к состязаниям, где победителей увенчивают венками: (11) он хотел бы одерживать в них победы, но не дерзает принимать в них участие, так как не обладает достаточной силой, которая могла бы ему доставить венок⁴. Точно так же он хотел бы получить от вас почести, но не надеется, что сумеет их добиться. Его отпугивают как собственная неопытность, так и присущий вам блеск. К тому же и здоровье его не вполне благополучно, у него есть некоторые телесные недостатки, которые, как он полагает, послужат для него препятствием во многих делах.

(12) Так что пусть он делает то, что считает полезным для себя. Ты же, будет ли он находиться в вашей стране или же спокойно оставаться в наших местах, — позаботься как обо всем прочем, о чем он станет тебя просить, так и особенно о безопасности его и его отца. Ты должен считать его у себя чем-то вроде залога — залога моего старческого возраста (которому да будет оказано соответствующее уважение), сопутствующей мне славы — если она заслуживает быть принятой во внимание, и того благорасположения к вам, которое я питал всю жизнь.

⁴ Состязания, в которых победители увенчивались венками, были самыми трудными и самыми почетными.

(13) Не удивляйся тому, что я написал тебе слишком длинное письмо, а также тому, что высказал в нем нечто выходящее за пределы принятого или выдающее мой старческий возраст. Не обращая ни на что внимания, я беспокоюсь только об одном — чтобы видно было, как я забочусь о дружественных и дорогих мне людях.

V. К АЛЕКСАНДРУ

(1) Составляя письмо, обращенное к твоему отцу, я полагал, что поступлю нехорошо, если не обращусь к тебе, находящемуся там же, с приветственными словами, — если не напишу что-нибудь такое, что заставит читателей отбросить мысль, будто я по причине старости выжил из ума и болтаю совершенно попусту; напротив, они увидят, что и в отведенный мне остаток жизни я отнюдь не оказываюсь лишенным той силы речи, которой обладал в молодые годы.

(2) Я слышу, как все говорят, что ты являешься человеком гуманным, другом Афин, любящим науку и образование, — но не безрассудно, а с пониманием дела, ибо ты сближаешься не с теми из наших граждан, кто отличается недостойным поведением и стремится к дурному, а с такими, общение с которыми тебе не может ни в чем повредить, советы и рассуждения которых не смогут принести тебе никакого ущерба или неприятности. Благоразумные и рассудительные люди должны себе подыскивать именно таких друзей. (3) Ты не отвергаешь ту из школ красноречия, которая усугубляет истину посредством спора¹, и считаешь ее приносящей великую пользу в частных беседах, но не подходящей ни для тех, кто стоит во главе народа, ни для монархов. Ведь не приносит пользы и вообще не подходит людям, ставящим себя выше других, самим вступать в спор со своими согражданами или разрешать, чтобы им возражали другие. (4) Таким образом, передают, что ты не питаешь склонности к этой школе и предпочитаешь тот вид красноречия, которым пользуемся мы в каждодневных делах и в случаях, когда высказываемся по поводу общегосударственных дел. Пользуясь им, ты надлежащим образом размышляешь относительно будущего и постигаешь науку о том, как повелевать своими подданными наилучшим образом, чтобы каждый из них сознавал свой долг. С помощью этой науки ты сможешь верно судить о том, кто является прекрасным и справедливым и кто не является таковым, наказывать и вознаграждать в той мере, как каждый того заслуживает. (5) Итак, ты поступаешь разумно, что теперь этим занимаешься: ты вселяешь добрую надежду в сердце твоего отца и всех остальных, что в будущем, — если став взрослым, ты останешься верным этим принципам, — ты превзойдешь всех остальных разумом настолько, насколько отец твой превзошел всех современников.

¹ Ср. Panath. 26; Antid. 261.

VI. К СЫНОВЬЯМ ЯСОНА

(1) Один из послов, побывавших у вас, сообщил мне, что вы, пригласив его для беседы отдельно от остальных, спросили его, согласен ли я оставить свою страну и поселиться у вас. Я охотно отправился бы к вам, помня о дружбе, связывавшей меня с Ясоном¹ и Полиалком²: ведь я полагаю, что

¹ Ясон — тиран города Фер в Фессалии с 380 г., ставший затем верховным предводителем (τάγος) фессалийских городов. Трем его сыновьям — Тисифону, Ликофрону и Пейтолаю — могло быть адресовано настоящее письмо после смерти Ясона, убитого около 370 г. до н. э. (D i o d., XV, 57, 60).

² Полиалк — предшественник Ясона. Есть основания считать, что Ясон, став тираном, женился на вдове Полиалка.

личное общение окажется для всех нас полезным. (2) Но многое препятствует мне это сделать, более же всего невозможность отправиться в путешествие, а также и то, что неприлично людям моего возраста покидать родину. Кроме того, все, узнав о моем отъезде, по справедливости осудили бы меня за то, что в то время как в течение всего предшествующего периода я предпочитал жить спокойно, под старость лет пустился бы в странствия — тогда, когда мне следовало бы, если бы ранее я даже и бывал в разных местах, стремиться на родину ввиду приближающегося конца жизни. (3) Помимо всего этого — надо ведь сказать правду — я опасюсь своего государства. Я вижу, в самом деле, как быстро теряют силу военные союзы, заключаемые с ним. Так что если бы нечто подобное случилось с вами и если бы я даже смог избежать обвинений и возникающих в связи с ними опасностей (что было бы весьма трудно), то все же мне пришлось бы устыдиться, если бы кто-нибудь решил, будто бы я ради своего государства пренебрегаю вашими интересами — или, наоборот, ради вас жертвую интересами своего государства. Поэтому мне не представляется возможным сохранить добрые отношения одновременно и с вами и со своим государством, за исключением случая, когда польза от моей деятельности окажется обоюдной. Таковы причины, вследствие которых я не могу совершить то, что я желаю.

(4) Я полагаю, однако, что мне не следует уделять внимание только своим делам, оставляя в стороне ваши; я попытаюсь сейчас по мере своих сил высказаться о них так, как я стал бы говорить, если бы прибыл к вам. Не подумайте, однако, что я стал писать это письмо в качестве образца красноречия, а не из чувства дружбы к вам. До такого безумия я еще не дошел, чтобы не понимать, насколько невозможной окажется для меня попытка создать что-либо лучшее по сравнению с изданными мною ранее произведениями — тем более, что пора расцвета осталась у меня далеко позади, а если я выступлю со слабым произведением, то нынешняя сопутствующая мне добрая слава может смениться дурной. (5) Кроме того, если бы я устремил все свое внимание на создание образцовых произведений риторики, я не стал бы заниматься серьезно вашими делами, то в этом случае я не избрал бы именно эту тему, рассуждать о которой надлежащим образом является делом весьма трудным, но сумел бы отыскать гораздо более прельстительные и содержательные темы. С последними, однако, я и прежде никогда не связывал честолюбивых надежд, но обращался к другим, ускользнув от внимания большинства. И ныне, придерживаясь того же образа мыслей, я не стал заниматься ими; (6) но видя, что вы беретесь за многие и важные дела, я пожелал изложить сложившееся у меня мнение по поводу этих дел. Человеку моего возраста, как я полагаю, подобает давать советы, ибо опыт налагает свой отпечаток на людей, доживших до таких лет, и дает возможность скорее, чем всем остальным, находить лучшее решение; составлять же на заданную тему речь, тщательно обработанную, изящную и благозвучную, уже не подходит моему возрасту. Для меня будет вполне достаточно, если я смогу рассуждать на данную тему не совсем бесвязно³.

(7) Но не удивляйтесь, если вы найдете в моей речи нечто подобное тому, о чем уже слышали прежде. Одни повторения могут, пожалуй, возникнуть случайно и помимо моей воли, другие будут внесены мною сознательно, если сказанное мною прежде окажется подходящим к содержанию настоящей речи. Ведь было бы нелепо, если бы я, видя, как другие широко

³ Ср. Phil. 28.

пользуются моими произведениями, сам стал бы воздерживаться от сказанного мною прежде ⁴.

Я предпослал это вступление по той причине, что первое из моих положений является одним из общих мест. (8) Я привык говорить тем, кто изучает у меня науку красноречия, что нужно обращать внимание прежде всего на то, чего следует добиваться как самой речью, так и отдельными частями речи. Когда же мы это определили и точно установили, тогда, утверждаю я, надо искать приемы, с помощью которых все это будет осуществлено и достигнута цель, которую мы поставили перед собой. Хотя я говорю все это по поводу искусства составления речей, принцип этот лежит в основе всех других занятий, а также и ваших дел. (9) В самом деле, никакой разумный поступок не может быть совершен, если вы предвзрительно с большой предусмотрительностью не обдумаете и не примете решения, как вы должны прожить оставшееся время, какой избрать себе образ жизни ⁵, к какой славе стремиться, каких почестей добиваться — таких ли, которыми сограждане награждают добровольно, или тех, которые предоставляют против своей воли. Определив все эти цели, вы должны только после этого рассмотреть вопрос, в какой мере дела, ежедневно совершаемые вами, соответствуют целям, поставленным в самом начале. (10) И подобным образом стремясь к полезному, соответствующему поставленной цели, вы достигнете ее с помощью разума; если же вы не поставите перед собой подобную цель, но будете делать то, что придет вам в голову, — вы неизбежно станете страдать от неопределенности ваших замыслов и совершать многочисленные ошибки.

(11) Может быть, кто-либо из избравших себе беспорядочный образ жизни попытается высмеять эти рассуждения и потребует, чтобы я высказал собственное мнение по поводу сказанного выше. У меня нет никаких оснований скрывать все, что я думаю по этому поводу. Мне представляется, что жизнь частного человека следует предпочесть жизни тирана; я также считаю, что почести, воздаваемые гражданам политий, являются более приятными, чем пожалованные монархами. Об этом я и попытаюсь высказаться. (12) Мне, однако, хорошо известно, что я встречу множество противников моей точки зрения и более всего среди тех, кто окружает вас, — ибо я полагаю, что они в немалой степени поощряют ваши устремления к тиранической власти. Они ведь не рассматривают всесторонне существа дела, но сами обманывают себя во многом. Они видят широкие полномочия этой власти, выгоды и удовольствия, которые она с собой приносит, и надеются получить долю от всего этого. Тревог же и несчастий, которые случаются с монархами и их друзьями, они не замечают и с ними происходит то же самое, что с теми людьми, которые отваживаются на самые дурные и противозаконные дела. (13) Ведь подобные люди прекрасно знают о неблагоприятной стороне своего дела, но они надеются воспользоваться всем тем, что в нем заключено хорошего, избежав всего присущего ему ужасного и дурного, и так устроить свои дела, чтобы от опасностей находиться вдали, а от выгоды — близко.

(14) Я поражаюсь легкомыслию людей, придерживающихся подобного образа мыслей, сам же я устыдился бы, если, давая советы другим, но пренебрегая их интересами, искал бы лишь выгоды для себя и если бы я не стал! советовать им наилучшее, целиком поставив себя вне всяких корыстных соображений. Поэтому уделите мне внимание, как человеку, придерживающемуся именно такого мнения.

⁴ Ср. Phil. 94.

⁵ Ср. Ad Nicocl. 11; Evag. 41.

личные выступления, целью которых является благо ваше и других союзников, я выступал в качестве доброго советника и соратника; я и сам сочинил больше речей, в которых выступаю за свободу и автономию всех эллинов, чем все те, кто привык топтать лестницы, ведущие к ораторским трибунам. (8) Вы поступили бы справедливо, если бы ответили мне благодарностью за все это, ибо вы особенно много уделяете внимания заботе о свободе и автономии. Полагаю, что если бы Конон⁵ и Тимофей⁶ были живы, а Диофант⁷ вернулся из Азии, они приложили бы большие усилия к тому, чтобы я добился успеха в своей просьбе. Я не вижу необходимости говорить о них что-нибудь еще: среди вас ведь нет столь молодого или забывчивого человека, который бы не знал о благодеяниях, совершенных этими полководцами.

(9) Мне представляется, что вы тогда примете наилучшее решение по этому делу, если внимательно рассмотрите, кто выступает в качестве просителя и за каких людей он просит. Вы увидите тогда, что я был в самых дружеских отношениях с людьми, оказавшими великие благодеяния и вам, и всем остальным эллинам, а те, за кого я прошу, являются такими людьми, которые не могут нанести обиды старшим, а также лицам, стоящим во главе государства, молодым же людям могут дать приятное и полезное, подобающее юношам образование.

(10) Не удивляйтесь же тому, что я написал письмо более длинное и более пылкое, чем другие. Я хотел добиться двух целей одновременно: и угодить своим детям, и показать им, что человек, если даже он и не выступает с речами на народных собраниях и не занимает должности стратега, а только следует избранному мною образу действий, — такой человек не останется незамеченным среди эллинов. И последнее: если вы решите выполнить что-нибудь из этого, то известите Агенора и его братьев, что они добились того, чего желали, частично и благодаря мне.

⁵ О Кононе см. Phil. 62—64.

⁶ О Тимофее см. Antid. 103—139 и прим.

⁷ Диофант — афинский полководец, оказывавший помощь египетскому царю Нектанебу (D i o d., XVI, 48, 2).

IX. К АРХИДАМУ

(1) Зная, Архидам, как много людей стремятся прославить в хвалебных речах тебя, твоего отца и весь твой род, я предпочел оставить им этот вид речей, поскольку он очень легок. Сам же я замыслил призвать тебя к командованию и войнам, которые нисколько не похожи на совершающиеся ныне: однако в результате их ты доставишь величайшие блага и своему государству и вообще всем эллинам.

(2) Я сделал этот выбор не потому, что не знаю, какие речи легче составить, но ясно сознавая, что отыскать дела прекрасные, великие и полезные трудно и не всегда удается; прославить же присущие вам добродетели я смог бы очень легко. Ведь в последнем случае у меня не было бы нужды самому изыскивать о них необходимые слова, но свершенное вами дало бы столь важные и многочисленные поводы, что восхваления, адресованные другим людям, ни в малейшей степени не могли бы сравниться с похвальным словом, которое было бы сказано о вас. (3) Кто мог бы оказаться выше по благородству, чем те, кто произошел от Геракла и от Зевса¹

¹ В мифе о сыновьях Аристодема (потомка Геракла) рассказывается, что они получили во владение Спарту при разделе завоеванной земли в Пелопоннесе. Из этих двух сыновей, которых звали Прокл и Еврисфен, Прокл стал основателем спартанского царского рода Еврипонтидов, откуда происходил Архидам (см. Нег., VIII, 131; S t r a b o, VIII, 366). Геракл, являющийся, таким образом, родоначальником Еврипонтидов, был сыном Зевса.

линские города — в какой бы они не вторглись — они разоряют, убивая одних, изгоняя других, отнимая имущество у третьих. (10) Они жестоко оскорбляют детей и женщин, бесчестят самых красивых, с остальных же срывают одежду, так что тех женщин, которые прежде никогда не появлялись перед посторонними даже без украшений и нарядов, теперь многие могут увидеть совершенно нагими; некоторые из них ходят в лохмотьях и гибнут из-за недостатка самого необходимого.

(11) И хотя все это происходит уже долгое время, ни одно государство из числа тех, кто претендует на руководство Элладой, не выразило своего возмущения и ни один из выдающихся людей не вознегодовал, — кроме твоего отца. Только Агесилай, единственный из всех, кого мы знаем, стремился всю свою жизнь к тому, чтобы освободить эллинов и начать войну против варваров. Однако и он совершил одну ошибку. (12) Не удивляйся же, если я, обращаясь к тебе, напомину о тех решениях твоего отца, которые были неверными. Я имею обыкновение говорить со всей откровенностью в своих речах и я предпочел бы скорее быть порицаемым за справедливые упреки, чем заслужить благодарность за сделанные вопреки справедливости похвалы. (13) Таков свойственный мне образ мышления. Агесилай же, во всем остальном будучи выдающимся человеком, в высшей степени сдержанным, справедливым и сведущим в политических делах, имел два устремления⁵, каждое из которых само по себе казалось прекрасным, но которые не согласовывались друг с другом и не могли быть одновременно воплощены в жизнь. А именно, он хотел и воевать против царя, и вернуть своих изгнанных друзей в их родные государства, поставив их там у руководства государственными делами. (14) Случилось же в результате всех этих забот о друзьях то, что эллины стали жертвой различных бедствий и выпавших на их долю опасностей, а вследствие возникших отсюда неурядиц у них не осталось времени и возможности начать войну против варваров. Так что на основании ошибок, совершенных в то время, легко сделать вывод, что если кто-нибудь хочет принять правильное решение, то надо, прежде чем начать войну против царя, примирить эллинов между собой⁶, а также прекратить безумие и междоусобные войны между нами. Я высказывался уже прежде об этом и ныне продолжаю на этом настаивать.

(15) Некоторые из тех людей, кто лишен образования, но претендует на право обучать других (они осмеливаются порицать то, что делаю я, стараясь одновременно подражать этому), может быть, скажут, что забота о несчастях Эллады, проявляемая мной, является чем-то вроде безумия, как будто благодаря моим речам дела Эллады будут идти лучше или хуже. Однако все с полным правом могли бы обвинить этих людей в подлости и трусости за то, что, выдавая себя за философов⁷, они сами в то же время стараются снискать себе славу в ничтожных делах, а к тем, кто может выступить с советом в делах величайшей важности, они относятся с завистью и ненавистью.

(16) Действительно, может быть, эти люди скажут так, стремясь оправдать собственное легкомыслие и бессилие; я же, хотя мне уже 80 лет и я уже совершенно отказался от активной деятельности, продолжаю оставаться настолько самоуверенным, что думаю, будто мне весьма подобает рассуждать о таких вещах, и что я принял прекрасное решение, обращаясь к тебе с речами, благодаря которым ход дел примет в какой-то мере правильное направление. (17) Я думаю даже, что остальные эллины⁸, если

⁵ Ср. Phil. 87.

⁶ Ср. Phil. 30.

⁷ Относительно термина φιλοσοφία у Исократы см. ВДИ, 1965, № 3, стр. 214 и

прим. 7.

⁸ Принимаем рукописное чтение τῶν ἁλλοῦς.

возникнет у них надобность избрать среди всех человека, который сможет и наилучшим образом при помощи составленной речи призвать эллинов к походу против варваров, и в наиболее короткий срок добиться осуществления дел, которые признаны полезными, должны будут отдать предпочтение именно нам⁹. И разве мы не поступили бы самым постыдным образом, если бы не радели в столь важном и почетном деле, достойным которого нас все бы считали. (18) Однако моя задача сравнительно скромна: ибо изложить мнение, которого придерживаешься, не так уж трудно. Тебе же следует, тщательно продумав все то, о чем я говорю, решить, пренебречь ли тебе состоянием дел в Элладе, — хотя ты такого происхождения, о котором я говорил выше, а также являешься вождем лакедемонян и называешься царем, и обладаешь величайшей славой у эллинов — или же, оставляя в стороне все неотложные дела, приступить к свершению более великих.

(19) Итак, я утверждаю, что ты должен, оставив все прочее в стороне, обратить все свои помыслы на достижение двух целей: избавить эллинов от войн и прочих ныне терзающих их бедствий и положить конец дерзости варваров, собравших у себя богатства бóльшие, чем им бы полагалось. А доказать то, что осуществление подобных целей возможно и принесет пользу как тебе, так и твоему государству и вообще всем остальным, — является уже делом, которое я взял на себя.

⁹ О взаимосвязи между оратором-теоретиком и человеком дела ср. Phil. 113—114, 150—151.